

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ ОТРИЦАНИЯ СМЕРТИ В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. И. Бочкарев, М. Н. Гордеева

Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, просп. Карла Маркса, 20
Поступила в редакцию 04.03.2024 г.
Принята к публикации 10.11.2024 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6

Рассмотрено отрицание смерти как важнейшая составляющая концепта *'denial of grief'*. Цель работы состоит в изучении особенностей актуализации отрицания смерти в сфере комического дискурса. Материалом исследования послужили скрипты и записи 50 стендап-концертов и 20 комедийных фильмов. Актуальность работы определяется увеличением в последние годы количества комических работ, в которых актуализируется тема смерти, а также недостаточным освещением в научных исследованиях ценностных характеристик и комической объективации концепта «смерть». В ходе работы выявлено, что отрицание смерти выражается через проявление хитрости, трусости и веры. В комическом дискурсе хитрость предполагает намерение обмануть смерть посредством такого этического антиценностного решения, как обретение вечной жизни. Бессмертие приобретает либо с помощью волшебных снадобий и ритуалов, либо необъяснимым случайным образом. Отмечается, что случайно приобретенное бессмертие обычно тягостно для персонажа и приводит к попыткам избавиться от него. В комическом дискурсе вера через интерпретацию смерти в качестве промежуточного этапа зачастую получает отрицательную оценку. Так, высмеивается либо сама возможность загробной жизни, либо вера людей в перспективу рая для них самих или их родственников. В случае актуализации трусости через бегство от смерти единственным популярным комическим сюжетом становится придание покойному сходства с живым с целью выдать мертвого за живого.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, комический дискурс, смерть, отрицание, вера, трусость, хитрость

1. Введение

В современной культуре горе аксиологически воспринимается через модель «Пять стадий горя», которая включает следующие этапы: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие (Кюблер-Росс, 2001). Соответственно, крайними членами в представленной оппозиции являются отрицание и принятие. При этом только с внедрением данной модели концепт *'acceptance of grief'* стал выделяться в современной англоязычной культуре в качестве полноценного аксиологического концепта (Бочкарев, Гордеева, 2023).

Концепт *'denial of grief'* имеет идентичную с концептом *'acceptance of grief'* историю становления в качестве аксиологического концепта. Так, аксиологически значимое определение слова *denial* не представлено в таких словарях, как двадцатитомный *The Oxford English Dictionary*

(1989), *The Oxford Dictionary of Current English* (1993), *The Oxford American Dictionary of Current English* (1999). При этом в современных англоязычных словарях можно найти значения, в которых отражается отрицание неприятных для человека вещей: *The act of refusing to accept that something unpleasant or painful is true* (Oxford Advanced Learner's Dictionary); *A condition in which you refuse to admit or believe that something bad exists or has happened* (Longman Dictionary of Contemporary English); *When a person cannot or will not accept an unpleasant truth* (Collins Online Dictionary). На основании этих определений можно выделить следующие основные характеристики отрицания горя: наличие неприятной / болезненной ситуации; нежелание / неспособность признать существование данной ситуации. Наиболее тяжелым и неизбежным событием в жизни любого человека, с которым непосредственно связано проявление горя, является смерть, то есть отрицание смерти – это важнейшая составляющая концепта 'denial of grief'.

Цель нашей работы состоит в изучении особенностей актуализации отрицания смерти в сфере комического дискурса. Актуальность исследования определяется несколькими факторами: во-первых, в последние годы возрастает число комических работ, в которых затрагивается тема смерти; во-вторых, несмотря на многообразие исследований, посвященных концепту «смерть» и смежным с ним явлениям, его ценностные характеристики и комическая объективация в настоящее время освещены недостаточно подробно.

Исследуя особенности актуализации концепта 'death' в комическом дискурсе, мы выделили три основных отношения к смерти: принятие, цинизм и отрицание. При этом в комическом ключе циничное отношение к смерти встречается в 63 % от общего количества случаев, принятие смерти – в 31 %, отрицание смерти – в 6 %.

В рамках комического дискурса циничное отношение к смерти преимущественно актуализируется через насмешку над смертью и умершими, десакрализацию похоронных обрядов, высмеивание различных убеждений людей относительно смерти, проявление разных антиценностных состояний вместо сострадания умершему и его близким. По сути, цинизм по отношению к смерти направлен на минимизацию ее роли в жизни человека, за счет чего возможно достижение временного отсутствия страха перед ней.

В свою очередь принятие смерти реализуется через нахождение положительного аспекта в собственной смерти, преодоление состояния депрессии, осознание неизбежности смерти, отношение к смерти как к обыденному событию (Бочкарев, Гордеева, 2023, с. 7). Соответственно, принятие смерти связано с осознанием ее неизбежности и приобретением стабильного отсутствия страха перед ней.

2. Методология

Применяемый нами лингвоаксиологический подход к исследованию ценностных и антиценностных явлений в комическом дискурсе предполагает четыре основных этапа.

Во-первых, следует выявить на основе реакции реципиентов комическую значимость такого явления, как отрицание смерти. В эмоциях аудитории отражается ее отношение к воспринимаемому явлению: наличие смеха или улыбок говорит о комичности; демонстрация более ярких реакций, таких как аплодисменты и возгласы, — об отрицательном или положительном отношении. Во-вторых, необходимо определить характеристики отрицания смерти на основе словарных дефиниций и комических текстов, в которых оно актуализируется. Третий шаг заключается в анализе языковых средств выражения отрицания смерти в комическом дискурсе. На четвертом шаге выявляется оценка ситуации отрицания смерти героем или автором непосредственно.

Практический материал представляет собой видеозаписи и тексты таких популярных жанров комического дискурса массовой культуры, как стендап-выступления (50 выпусков) и комедии (20 фильмов). Выбор указанных жанров комического дискурса обусловлен их популярностью. Кроме того, важное преимущество исследуемого материала перед большинством других комических жанров состоит в том, что он позволяет непосредственно оценить реакцию зрителей на анализируемые фрагменты: в стендап-выступлениях — по сиюминутной реакции аудитории; в комедийных фильмах — по реакции зрителей, зафиксированной в видео формате *First time watching*. Также на отбор конкретного материала повлияли количество просмотров в момент их премьеры и рейтинг. Для нашей статьи выбраны фрагменты, вызвавшие наиболее яркую реакцию со стороны зрителей. Фразы, сопровождаемые реакцией зрителей в виде смеха, отмечены полужирным шрифтом.

3. Теоретическое основание

Если проблема отрицания горя в целом вошла в контекст современной науки относительно недавно, то феномен отрицания смерти изучается довольно давно. Так, среди реальных и воображаемых угроз смерть и ее страх стали главными компонентами повседневной жизни еще со времен Средневековья (Разумовская, 2019, с. 13). На наш взгляд, это обусловлено прежде всего тем, что массовая ранняя смертность была проблемой человечества на протяжении долгих веков, и другие аспекты горя воспринимались как незначительные явления. Кроме того, в связи с отсутствием развитой медицины смертельные заболевания очень быстро переходили в смерть, то есть практически не существовало такого явления, как длительное смертельное заболевание.

Феномен отрицания смерти коренится в явлении страха перед смертью, который пришел на замену традиционному, идущему из глубоким древности чувству привычной близости со смертью (Аръес, 1992). Отмечается универсальная природа данного страха, который сказывается на повседневной деятельности человека и присутствует в человеческом сознании, обеспечивая индивида силами для самосохранения (Беккер, 2023; Zilboorg, 1943). С позиции психоанализа страх смерти есть априорный антропологический экзистенциал (Фрейд, 1994), и именно Фобос, а не Танатос, является противоположностью Эроса

(Юнг, 2021). Страх перед смертью порождает разнообразные формы противодействия. Так, он либо подавляется постоянными сознательными усилиями (Беккер, 2023), либо подлечит осмеянию (Бахтин, 1990).

В отличие от принятия смерти, обладающего собственными характеристиками, отрицание смерти представляет собой сложное явление, реализующееся через бегство от смерти (трусость), обман смерти (хитрость) и превращение смерти в промежуточный этап (вера).

В аксиологическом плане бегство от смерти относится к проявлению трусости и традиционно воспринимается в качестве этической антиценности (Бочкарев, 2021). При этом положительное философское отношение к бегству от смерти было представлено еще Эпикуром, который советовал воспринимать смерть как нечто не имеющее отношения к человеку, так как «когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем» (Материалисты..., 1955, с. 209–210). Подобное отношение к смерти является ценностным в гедонистической области бытования ценностей, поскольку позволяет избежать страданий, связанных с переживаниями предстоящей смерти. В свою очередь страдание относится к одной из основных гедонистических антиценностей (Ильин, Калинин, 1985). Так как в современном обществе на первый план выходит гедонистическая система ценностей (Липовецки, 2001, с. 25), логично предположить, что именно бегство от смерти становится основной стратегией восприятия смерти. Таким образом, бегство от смерти воспринимается как этическая антиценность (поскольку представляет собой пример проявления трусости) и гедонистическая ценность (поскольку помогает избежать страданий, связанных с переживаниями предстоящей смерти). Следует отметить, что бегство от смерти прослеживается в похоронном обряде, где отрицаются сами слова «покойник», «похороны», «смерть», и вместо них используется система метафорических замен (Рюмина, 2010, с. 143). Кроме того, бегство от смерти также находит выражение в избегании мыслей и разговоров о смерти (Гаврилова, 2018), в придании покойному максимально возможного сходства с живым (Арьес, 1992).

Древний мотив обмана смерти имеет фольклорные корни и прослеживается в оберегающих инсценировках, ритуальных играх и танцах, смене имени, заговорных песнях (Еремина, 1991, с. 70). Так, известны ритуалы защиты новорожденных, основанные на мотиве обмана: обряд имитации похорон, песня-заговор над колыбелью, призванные отогнать от ребенка злых существ путем ложного призыва смерти (Там же, с. 72). Кроме того, одним из приемов обмана смерти является поиск источника вечной жизни. Данная идея положена в сюжет многих произведений искусства. Как отмечает Д. Хапаева (2020), в современном обществе один из приемов навязчивого отрицания смерти – это идеализация молодости путем косметической и хирургической маскировки процесса старения. Следует отметить, что сюжет жестокого наказания человека, которому временно удалось обмануть смерть, также достаточно популярен в культуре и восходит к мифу о царе Сизифе (ему дважды удалось обмануть смерть, за что он был жестоко наказан

Аидом). Одним из наиболее популярных комических приемов обмана смерти является оживление скелета. Как отмечает О. В. Разумовская, скелет, праздно проводящий время, представляет собой попытку преодоления страха смерти через его комическое воплощение в качестве части обыденной жизни (2019, с. 15).

Превращение смерти в промежуточный этап прежде всего соотносится с религиозными убеждениями человека (при их наличии) и касается бессмертия души. В философском плане идея бессмертия души восходит к Платону, согласно которому праведная жизнь на земле приводит к счастливой жизни после смерти в пространственно-временном континууме «царство Аид» (Платон, 1993, с. 8). Идея о разделении пространственно-временного континуума «загробный мир» на две составляющие (рай и ад) формируется в рамках иудаизма и становится одной из основных догм христианства. При этом вера в бессмертие души также сопровождается страхом страшного суда и ада. По этой причине вера в загробную жизнь становится не только утешительной, но и добавляет безмерной ответственности человеку при жизни (Бердяев, 1993, с. 228). Более того, именно ад, а не смерть становится основным предметом страха: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28), в то время как смерть для праведного человека становится скорее желанным событием: «Но особенно приятна смерть для избранных Божиих, которые презирая сию жизнь, полную стольких бедствий, всю надежду возлагают на небесную жизнь, неподвластную скорбям и тлению» (Башкиров, 2014, с. 47).

4. Результаты и обсуждение

В комическом дискурсе отрицание смерти реализуется при помощи следующих аксиологических концептов: хитрость, вера и трусость. Следует отметить, что в подобных контекстах актуализируется преимущественно хитрость (84 % случаев), в то время как вера проявляется в 11 %, а трусость – в 5 %.

Хитрость имеет дуальный характер, то есть обман относится к негативным явлениям, а «живой ум» – к позитивным (Raskin, 1985, p. 181–191). Отмечается, что ценностный концепт ‘cunning’ в комических текстах обладает следующими когнитивными признаками: уход от решения проблемы, вариативное толкование событий, нахождение очевидного / выгодного этически антиценностного решения, отвлечение внимания, притворная глупость (Бочкарев, 2022, с. 985).

Намерение перехитрить смерть обычно приводит к нахождению такого этического антиценностного решения, как продление жизни при помощи колдовства, в первую очередь через употребление эликсира бессмертия:

(1) *Helen: Look at me, Ernest, just look at me! I'm soaking wet! Ernest: And there seems to be something wrong with your, uh, blouse. Helen: I have a hole in my stomach! Ernest: Yeah, and you're still alive (Death Becomes Her).*

Реакция: смех зрителей. В представленной комедии героиня, которая не готова была принять смерть, выпила волшебный эликсир, возвращающий молодость и дающий бессмертие. В результате даже после полученных травм, несовместимых с жизнью (*I have a hole in my stomach!*), она продолжает существовать. Комический эффект основан на литоте: факт отсутствия неизбежной смерти отходит на второй план по сравнению с промокшей и порванной одеждой (*I'm soaking wet! – And there seems to be something wrong with your, uh, blouse*).

Следует также отметить, что бессмертие, полученное подобным способом, обычно приводит к негативному результату, для героев желающих сохранить его до конца. Вышеприведенный фильм не является исключением:

(2) *Priest: I, for one, honestly believe this teacher, this benefactor, this man, had in his own way... learned the secret of eternal life. And it's here, among us, in the hearts of his friends. And the secret of eternal youth right here... in the lives of his children and his grandchildren. It is my opinion that our beloved Ernest... is one man who will indeed... live forever... Helen: That's because you crack... Help me! My legs aren't working! [Helen and Madeleine fall down the stairs and break into pieces] Do you remember where you parked the car?* (Death Becomes Her).

Реакция: бурный смех зрителей. В следующем фрагменте героини, принявшие эликсир бессмертия, выживают после разнообразных травм, но их тела постоянно требуют реставрации. Даже упав с лестницы и разлетевшись на части, героини продолжают вести обыденный разговор (*Do you remember where you parked the car?*). Ситуация комична из-за своей абсурдности, поскольку в данном состоянии невозможно добраться до автомобиля. Подобное бессмертие оценивается отрицательно через речь священника на похоронах бывшего возлюбленного героини. Так, с точки зрения священника, именно Эрнест обрел настоящее бессмертие в своих детях и внуках (*learned the secret of eternal life; live forever*). Кроме того, главному герою была предоставлена возможность стать бессмертным, но он пренебрег ею, в результате чего прожил насыщенную жизнь, которая оценивается исключительно положительно окружающими (*met his lovely wife; had two sons and four daughters; spread his message of hope to his adopted children; brilliant academic as well as a rugged outdoorsman; a delightful adventure; etc.*).

Таким образом, в данном произведении принятие смерти главным героем получает положительную оценку, в то время как отрицание смерти героинями оценивается отрицательно.

В современных комедийных фильмах место живых скелетов в качестве символа обмана смерти занимают разумные живые мертвецы. При этом герои, получившие бессмертие подобным образом, продолжают оставаться частью социума. Более того, они могут отказываться от возвращения к нормальной жизни, даже несмотря на очевидные недостатки подобного существования:

(3) *Konrad: I don't want to be normal. I like myself this way. The chicks dig me. I get respect. Philip: Konrad, you're a walking corpse. Look at yourself! Konrad: Never mind! I've got a stapler that'll fix it. They keep a large blood supply. Vintage '79, nice bouquet and goes down quite smoothly* (Night of the Living Dorks).

Реакция: смех зрителей. Несмотря на потерю различных частей тела, герой желает продолжить свое существование в виде зомби ради внимания со стороны противоположного пола (*The chicks dig me. I get respect*). Комический эффект основан на парадоксе: скрепленный степлером живой мертвец вряд ли может представлять любовный интерес. Комизм ситуации также подчеркивается сравнением крови с вином (*Vintage '79, nice bouquet and goes down quite smoothly*). Данная ситуация оценивается положительно самим главным героем (*I don't want to be normal. I like myself this way*) и отрицательно — его друзьями, которые пытаются уговорить Конрада выпить лишающий бессмертия эликсир, для того чтобы он смог вернуться к обычной жизни (*drink... be a normal person*). В целом в этом фильме показывается бессмысленность вечной жизни в качестве зомби. Соответственно, принятие смерти преподается как более предпочтительный вариант по сравнению с ее отрицанием.

При получении бессмертия положительные персонажи, ставшие бессмертными случайно, обычно пресыщаются им и хотят прервать свою жизнь различными способами:

(4) *A body drops quickly past the window. It's Phil. Phil is sprawled there like a broken puppet, lifeless. Phil, dressed in pajamas and overcoat, leaps out in front of the speeding bus. The driver sees Phil but doesn't even have time to hit the brakes before he runs right over Phil. Mrs. Lancaster is watching TV in the parlor of the hotel. In the corridor behind her, Phil walks by, dressed in a robe, carrying an electric toaster and a towel, heading for the bathroom. A few moments pass. We hear the zap of an electrocution, the lights and TV flicker and dim for a moment, and then come back on again* (Groundhog Day).

Представленный фрагмент демонстрирует цепочку попыток самоубийства главного героя, который вынужден проживать один и тот же день. Отметим, что часть зрителей реагирует смехом, а часть, шокированная увиденным, — восклицаниями типа 'Oh my Gosh!'. Реакцией зрителей часто сопровождается тот момент, когда попытка самоубийства еще не совершена, но ее легко предугадать. Комический эффект основан на проявлении глупости объектом осмеяния. Главный герой причиняет себе бессмысленную боль, поскольку желаемый им результат является невозможным. Нечаянно полученное бессмертие оценивается в контексте данного фильма отрицательно, что неоднократно демонстрируется самим героем, уставшим от повторения одного дня. Кроме того, когда герою удается избавиться от бессмертия, он радуется этому событию (*— Yeah!!!!; Phil kisses the radio; He pounces on Rita again*). Таким образом, главный герой приходит к принятию смерти через осознание бессмысленности однообразной вечной жизни.

В современном комическом дискурсе вера в бессмертие души высмеивается преимущественно через отрицательную оценку субъектом комического различных особенностей превращения смерти в промежуточный этап.

Во многих подобных контекстах отрицается сама возможность существования смерти в качестве промежуточного этапа:

(5) *"You know, I think he's up there now smiling down at us, and I think he's pleased." Now, first of all, there is no "up there", no, no for people to be smiling down from. It's poetic. It's quaint. And I guess for superstitious people, it provides a little comfort, but it doesn't exist* (Carlin G. It's Bad for Ya! 2008).

По мнению комика, смерть является завершающим событием в жизни человека, а загробной жизни не существует. Фрагмент сопровождается смехом и аплодисментами зрителей. Комическому эффекту способствует антитеза двух идей (*I think he's up there now – there is no "up there"*). В то время как отрицание веры в загробную жизнь оценивается в общем положительно аудиторией через аплодисменты, вера в жизнь после смерти получает отрицательную истинностную оценку от стендап комика через оценочные суждения (*there is no "up there; it doesn't exist"*). При этом отрицательная истинностная оценка смягчается положительными эстетическими (*It's poetic*) и этическими (*provides a little comfort*) оценками. Таким образом, в представленном выступлении реализуется циничное отношение (насмешка над убеждениями людей) автора к отрицанию смерти через веру.

В тех случаях, когда актуализируется жизнь после смерти в рамках модели «рай — ад», обычно реализуется сценарий, при котором сам субъект веры или его близкие попадают в ад:

(6) *Some people say that they're going to Heaven... I don't know, do you guys think there's a Heaven? Clap your hands if you think you're going to Heaven. You think you're to Heaven? You are 21... and you're a lock for Heaven already* (Louis C.K. Monologue. March 29).

Высмеивается убежденность зрителей в том, что после смерти они отправятся на небеса. Аудитория реагирует бурным смехом и аплодисментами. Комический эффект основан на гиперболизации порочности людей, то есть все люди, достигшие 21 года, вследствие своей порочности не смогут попасть в рай. Такая перспектива оценивается зрителями положительно, что предположительно обусловлено их неверием в загробную жизнь в целом. Соответственно, стендап-комик вместо страха перед смертью актуализирует страх перед адом, чем, по сути, проявляет свое циничное отношение (насмешка над убеждениями людей) к отрицанию смерти через веру.

Следует отметить, что актуализация пространственно-временных континуумов *рай* и *ад* характерна прежде всего для такого комического жанра, как анекдот, который представляет многообразие аксиогенных ситуаций, реализующихся либо в раю, либо в аду.

Трусость как один из способов отрицания смерти теснее других связана со страхом. Так, высмеивание трусости происходит через состояния или результат, к которым приводит страх: бегство от опасности, бездействие, неразумное поведение (Бочкарев, 2021, с. 1017). В комическом плане трусость довольно редко актуализируется в рамках отрицания смерти. При этом некомическое проявление трусости (не вызывающее смех) в комических текстах встречается намного чаще. Един-

ственным более или менее распространенным комическим сюжетом бегства от смерти является придание покойному сходства с живым, для того чтобы выдать первого за второго:

(7) *Larry: My turn. Shooter now. Free parking. \$500 for me. Thank you. My turn. Here we go. One more you get out of jail free. All right. Your turn. I'll roll. Here we go. Richard: What are you doing? Larry: **Playing Monopoly. You want to play?** Richard: How did he get down here? Larry: He walked. Richard: **He walked?** ... Richard: Where's Bernie? Larry: **He went for more daiquiri mix** (Weekend at Bernie's).*

Реакция: смех зрителей. В данных фрагментах наблюдается подмена смерти жизнью — двое друзей выдают убитого начальника за живого, замаскировав глаза очками и передвигая тело разнообразными способами, поскольку боятся, что их обвинят в его смерти. Здесь проходит игра в монополию с трупом, и хотя ходы делают живые игроки, труп находится в позе отдыхающего под зонтиком. Смех зрителей вызывает тот факт, что покойник якобы выполняет действия, обычно свойственные живым (игра, перемещение в пространстве), что подтверждается глаголами движения (*went, walked, playing*), а герои спокойно используют тело, как им заблагорассудится. Данное поведение отрицательно оценивается одним из главных героев с этической точки зрения (*Incidentally you're a disgusting human being; you are just a sick man*). Таким образом, с одной стороны, осуществляется отрицание смерти через бегство от нее, с другой стороны, герои произведения ведут себя цинично по отношению к покойнику через глумление над ним.

5. Заключение

В представленной работе показано, что актуализация отрицания смерти происходит через проявление хитрости, трусости и веры, при этом в комическом дискурсе хитрость реализуется в 84 % случаев, вера — в 11 % и трусость — в 5 %.

В комических текстах хитрость актуализируется через намерение обмануть смерть посредством такого этического антиценностного решения, как обретение вечной жизни. При этом бессмертие обычно приводит персонажей, желающих сохранить его до конца, к негативному результату. Кроме того, в современных комедиях образ ожившего скелета заменен образом разумного живого мертвеца. Следует также отметить, что подобное проявление хитрости получает в целом отрицательную оценку от автора и / или различных героев соответствующего произведения и / или зрителей.

В то же время актуализация веры через превращение смерти в промежуточный этап высмеивается через отрицательную оценку субъектом комического либо данной возможности, либо веры людей в то, что они и / или их родственники попадут в рай. В комическом дискурсе вера в загробную жизнь получает преимущественно отрицательную оценку от автора и / или различных героев произведения и / или зрителей. В свою очередь отрицание веры вызывает положительную оценку зрителей.

В случае актуализации трусости через бегство от смерти единственным более или менее повторяющимся комическим сюжетом является придание покойному сходства с живым, для того чтобы выдать первого за второго. Этот вид отрицания смерти получает преимущественно отрицательную оценку от автора и / или героев произведения и / или зрителей.

К основным языковым средствам создания комического эффекта при высмеивании отрицания смерти относятся антитеза, парадокс, гипербола и литота. Зачастую различные проявления отрицания смерти сопровождаются неразумным поведением определенных участников коммуникации.

Дальнейшая перспектива настоящего исследования заключается в изучении ценностных особенностей актуализации отрицания смерти в различных типах дискурса.

Список литературы

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Башикиров В. Г. Смерть человека в истории религиозной мысли и в святоотеческом предании // Труды Минской духовной академии. 2014. № 11. С. 26–67.
- Беккер Э. Отрицание смерти. М., 2023.
- Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
- Бочкарев А. И. Антиценностный концепт трусость в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 4. С. 1016–1023. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023.
- Бочкарев А. И. Когнитивные признаки ценностного концепта «cunning» в комическом дискурсе современной англосаксонской лингвокультуры // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32, № 5. С. 984–989. doi: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-984-989.
- Бочкарев А. И., Гордеева М. Н. Особенности актуализации ценностного концепта ‘acceptance of grief’ в рамках комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/494/1.
- Гаврилова Т. А. Пять установок по отношению к смерти: половозрастные различия и кросскультурные сопоставления // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 3. С. 15–28. doi: 10.7868/S0205959218030029.
- Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Ильин В. В., Калинин В. Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М., 1985.
- Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.; Киев, 2001.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
- Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.
- Платон. Федон // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 7–80.
- Разумовская О. В. По. Лавкрафт. Кинг: Четыре лекции о литературе ужасов. М., 2019.
- Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М., 2010.
- Фрейд З. Мы и смерть. СПб., 1994.
- Хапаева Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма. М., 2020.

Юнг К. Г. О психологии бессознательного. М., 2021.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 07.03.2024).

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.03.2024).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 07.03.2024).

Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Boston, 1985.

The Oxford American Dictionary of Current English. Oxford, 1999.

The Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1993.

The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. Vol. 1 : A – Baz.

Zilboorg G. Fear of death // The Psychoanalytic Quarterly. 1943. Vol. 12, №4. P. 465 – 475.

Об авторах

Арсентий Игоревич Бочкарев, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-3869-2797

E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Мария Николаевна Гордеева, старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-3765-4361

E-mail: aglie-svr@yandex.ru

Для цитирования:

Бочкарев А. И., Гордеева М. Н. Об особенностях аксиологической объективации отрицания смерти в комическом дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №1. С. 90 – 102. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

AXIOLOGICAL OBJECTIFICATION OF DEATH DENIAL IN HUMOROUS DISCOURSE

A. I. Bochkarev, M. N. Gordeeva

Novosibirsk State Technical University,
20 Karl Marx St., Novosibirsk, 630073, Russia

Received on 04.03.2024

Accepted on 10.11.2024

doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6

The article considers death denial as the crucial constituent of the concept 'denial of grief'. The research aims at studying peculiarities of actualization of death denial in humorous discourse. The data comprise recordings and scripts of 50 stand-up specials and 20 comedies. The relevance of the research is supported by increasing number of humorous works in recent

years where death is actualized as well as by insufficient covering value characteristics and comic objectification of death. The article demonstrates that death denial is actualized through cunning, cowardice and faith. In humorous discourse cunning is expressed through intention to deceive death using such ethical anti-value solution as acquiring eternal life. Immortality is obtained with the help of magic potions and rituals or in some unexpected way. The study shows that unexpected immortality is oppressing the person and causes attempts to escape it. In humorous discourse faith as interpreting death as intermediate stage is usually assessed negatively. Thus, either the very possibility of life after death or people's certainty of being in heaven can be ridiculed. In case of actualizing cowardice through escaping death, the only popular comic plot is making the dead look alive in order to use him like the alive one.

Keywords: axiological linguistics, humorous discourse, death, denial, faith, cowardice, cunning

References

- Ariès, Ph., 1992. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in Front of Death]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M. M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Fransua Rable and Medieval and Renaissance Folk Culture]. Moscow (in Russ.).
- Bashkirov, V. G., 2014. Death of Man in the History of Religious Thought and Patristic Tradition. *Trudy Minskoj dukhovnoi akademii* [Proceedings of the Minsk Theological Academy], 11, pp. 26–67 (in Russ.).
- Becker, E., 2023. *Otritsanie smerti* [Death negation]. Moscow (in Russ.).
- Berdyayev, N. A., 1993. *O naznachanii cheloveka* [About human destination]. Moscow (in Russ.).
- Bochkarev, A. I., 2022. Cognitive Features of the Value Concept “Cunning” in Humorous Discourse of Modern Anglosaxon Linguistic Culture. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 32 (5), pp. 984–989, <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-984-989> (in Russ.).
- Bochkarev, A. I. and Gordееva, M. N., 2023. On actualizing the axiological concept “acceptance of grief” in humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 494, pp. 5–12, <https://doi.org/10.17223/15617793/494/1> (in Russ.).
- Bochkarev, A. I., 2021. The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23 (4), pp. 1016–1023, <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023> (in Russ.).
- Collins Online Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com> [Accessed 7 March 2024].
- Eremina, V. I., 1991. *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad (in Russ.).
- Freud, S., 1994. *My i smert'* [We and death]. St. Petersburg (in Russ.).
- Gavrilova, T. A., 2018. Five Death Attitudes: Age-Sex Differences and Cross-Cultural Comparisons. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 39 (3), pp. 15–28, <https://doi.org/10.7868/S0205959218030029> (in Russ.).
- Ilyin, V. V. and Kalinkin, V. T., 1985. *Priroda nauki: Gnoseologicheskii analiz* [The Nature of Science: Epistemological Analysis]. Moscow (in Russ.).
- Jung, C. G., 2021. *O psikhologii bessoznatel'nogo* [About psychology of unconscious]. Moscow (in Russ.).
- Khapaeva, D., 2020. *Zanimatel'naya smert': razvlecheniya epokhi postgumanizma* [Entertaining death: entertainment of posthumanism epoch]. Moscow (in Russ.).
- Kübler-Ross, E., 2001. *O smerti i umiranii* [About death and dying]. Moscow; Kyiv (in Russ.).

Lipovetsky, G., 2001. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The Era of Emptiness. Essay on Modern Individualism]. St. Petersburg (in Russ.).

Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> [Accessed 7 March 2024].

Materialisty Drevnei Gretsii. Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura [Materialists of Ancient Greece. Collection of texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus], 1955. Moscow (in Russ.).

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> [Accessed 7 March 2024].

Plato, 1993. *Phaedo*. In: *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 7–80 (in Russ.).

Raskin, V., 1985. *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston.

Razumovskaya, O., 2019. *Po. Lavkraft. King: Chetyre lektsii o literature uzhasov* [Poe. Lovecraft. King: four lectures on horror literature]. Moscow (in Russ.).

Ryumina, M. T., 2010. *Eстетика smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of laughter: laughter as virtual reality]. Moscow (in Russ.).

The Oxford American Dictionary of Current English, 1999. Oxford.

The Oxford Dictionary of Current English, 1993. Oxford.

The Oxford English Dictionary. Vol. 1. A–Baz., 1989. Oxford.

Zilboorg, G., 1943. Fear of death. *The Psychoanalytic Quarterly*, 12 (4). pp. 465–475.

The authors

Dr Arsentiy I. Bochkarev, Head of the Department of Foreign Languages of the Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0003-3869-2797

E-mail: arsentiy_87@mail.ru

Maria N. Gordeeva, Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

ORCID: 0000-0002-3765-4361

E-mail: aglie-svr@yandex.ru

To cite this article:

Bochkarev, A.I., Gordeeva, M.N., 2025, Axiological objectification of death denial in humorous discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 1, pp. 90–102. doi: 10.5922/2225-5346-2025-1-6.

